

Долгополов.К.Н

6+

Дикие горы

Кирилл Николаевич Долгополов

Дикие горы

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=42283022

SelfPub; 2019

Аннотация

Далекий, загадочный и прекрасный хутор "Дикие горы". Этот хутор имеет свою острую историю, забавных и сердитых жителей. Маленький рассказ о хуторе, с лица 12-летнего мальчишки.

«Дикий Гор»

Я родился и вырос в хуторе «Дикий гор», – а его полное название – «Дикие горы». Наш хутор, наверняка, ничем не отличался по структуре от других хуторов, но была в нем своя горная душа. Каждое утро, под шум оркестров дяди Васи и под циничный вой петухов, весь наш хутор, обыденно и флегматично пробуждается, и каждый занимается своими делами. Я живу в старом съёмном домике с мамой и бабушкой. Дом наш находится ближе всех к местной речке, что часто служило причиной прогулов уроков. В реке каждый год проходились соревнования на лучшего пловца, а так же – плавание с командой. Этот вид соревнований требовал строгой дисциплины, полной отчетливости, а так же умение плавать. Слева от нашего двора невинно располагалась ветряная мельница деда Игната. Целыми днями он-то и делал, что перерабатывал зерна в порошок.

А однажды, пока дед Игнат пошел к реке, чтобы набрать воды, я и мой лучший товарищ Егор (Егор – высокий, худощавый, бледнолицый паренек, с темными волосами, вечно сливавшимися с цветом лица, из-за хронической тяге к машинам, мазуте, и прочим механическим штукам). Пробрались во двор к деду Игнату, и перед входом в мельницу замерли. На мельнице была прикреплена черно-белая вывеска: «Эта мельница послужила в 1942г хорошим бункером и добросовестным источником питания». А снизу было написано: «вход строго воспрещен!!». Эта вывеска только еще силь-

нее добавила моё желание поскорее раскрыть дверь и войти внутрь. Мы с Егором давно наблюдали за дедом Игнатом и знали, где он хранит ключи от мельницы. Я посоветовал Егору обойти мельницу, чтобы поглядеть, не идет ли дед? Плавным движением ноги, я выбил камень из-под земли и изъясил ключи.

– ИДЕТ!..ИДЕТ!ИДЕТ ДЕД! – С пугающим взглядом и разбросанными во все стороны руками кричал Егор. Я долго не думая отворил дверь, и мы с бурью в голове забежали во внутрь. Нас окружали всякого рода железки и механизмы, неизвестные нам установки, огромное количество приборов и какой-то вычислительной техники.

– О, гляди. Хлеб. – С жадностью на лице произнес Егор.

– Не трожь, ты же помнишь, мы не за этим пришли. – Снисходительно сказал я.

Егор слегка взмахнул головой, наверное, менял мысли, и успокоился. Мы побежали вверх по лестнице, и на самой верхней ступени обнаружили белый – белый, как белый лист бумаги мяч. Это был мяч Егора, мы за ним и пришли.

– Ну вот, совсем немного осталось, – подумал я. И где-то внизу послышался звук запертой двери. Мы поглядели друг на друга. Обернулись. Посмотрели по сторонам. Плана не было.

– Без паники, – тихо шепнул я Егору. Мне пришла в голову одна очень дерзкая и острая мысль, и я без промедления сообщил о ней Егору.

– Давай в окно. Высота небольшая, примерно метра три, но внизу не земля, а река. Падать будет не больно.

– Я б..боюсь, плавать не, – судорожно произнес Егор.

– Ты прыгнешь, а я тебя спасу. Ничего страшного. Я умею плавать, – с циничным героизмом сказал я. Недолго думая Егор согласился. Мы отошли подальше от окна, чтобы набрать скорость, и уже договорились о прыжке. Первым прыгаю я, а за мной, не теряя времени – Егор.

Вдруг лестница закрипела, и я обернулся. Дед Игнат, как только мог быстро, поднимался, и, демонстрируя свои кулаки, что-то кричал.

– Давай, – крикнул я.

И, разбежавшись, прыгнул в окно. Падение было мягкое, но горькое. Я долго не всплывал и ждал Егора, но его все не было. Я выплыл на берег, разделся и начал обсушивать одежду. Егор все не появлялся. Я пробыл на берегу до вечера, а потом ушел домой. Больше я Егора никогда не видел. Бродили хуторские сплетни и слухи, что якобы, дед Игнат поймал Егора, избил и передал бабушке, а та, в свою очередь решила, что так продолжаться больше не может. Она устала. Разбила банку со сбережениями и купила билет на первый рейс в город, а оттуда в Мурманск.

Каждую неделю, а точнее по субботам, к нам в хутор приезжает бывший боцман, дядя Гена, но ему не нравится, когда его называют дядей поэтому, просто, Гена.

Каждую субботу, Гена собирал нас с ребятами на берегу

реки, где-то между моим домом и мельницей деда Игната, и до глубокой ночи мы сидели на песке, окружив костер, и слушали морские истории Гены. Бывало, что кто-то захватит с собой гитару, и тогда вечер становится еще ярче, и словно солнце светит нам этой ночью. А если какой-то из пареньков незаметно стащит немного мяса у нашего старосты, то и во-все, вечер числится к торжественным.

Была у нашего Гены старая лодка, не знаю, цела она сейчас или с таким отношением давно лопнула, но в свои годы мне выпала честь проплыть на ней, конечно с Геной. Наш Гена рассказывал историй у костра разного типа: противостояние красных и белых, морские приключения, мирная жизнь за границей и много странных, мистических историй. Был у Гены шрам на левой руке. С трудом помню, в какой области, и искаженно помню историю его болезненного получения, но точно знаю, что шрам получен от резкого удара шашки во времена гражданской войны.

«Дикие горы» – наверное, подумаете вы. Почему «Дикие», или почему «Горы»? Весь наш хутор окружен с двух сторон высокими, заостренными и не по рассказам мистическими горами, оттого и название – «Дикие горы», но все не так просто, и глубоко не так. На вершине одной из гор, одиноко и мирно располагался старый сарай, который служил домом старому отшельнику. Бог знает, как этот сарай очутился на горе, и кто этот отшельник. Древние жители хутора считают, что это старый рыбак Валера, на это было много

оснований. Но никто так и не докажет их.

Есть у нас в хуторе и свой местный фольклор. Мистические истории. Якобы, кто-то из жителей видел в реке странное существо, метров шесть в длину, и, как трактор нашего машиниста Пети, в ширину. Видели и рыбаки что-то подобное во время воскресной рыбалки, но не придали особого энтузиазма. А рыбаки старой закалки и вовсе считают это обыденным и никак не желают комментировать. Так же, есть сведения некоторых жителей, что слева от моего дома, за мельницей деда Игната, есть лес, а в этом лесу живет, жила старая ведьма, которая по рассказам еще меньшего количества жителей занималась самой черной магией и отказывалась поклоняться диалектике.

Как, я ранее и говорил, я живу с матерью и дедом. Мой отец погиб на фронте в 44-м, при обороне одного крупного города. По рассказам моей мамы, он был хорошим человеком. С детства у него было пристрастие к транспорту, за что, на фронте он получил собственный автомобиль для перевозки важных грузов, а в будущем, совсем неудачно повышен до стрелка батарейного узла.

Моего дедушку зовут Николай. С дальней юности он работает учителем литературы в местной школе. Мой дедушка мне часто говорит: «Не главное в жизни добиться успеха, главное чтоб твоя жизнь имела смысл». И я его долго не понимал, но как же он был прав. Он рано потерял мою бабушку, а еще раньше своего сына. Мать моя, прекрасная женщи-

на, работает помощницей в местной скотобойне. Зарплату получает крошечную, а работает не покладая рук. Питаться я дома не любил, да и не мог, поэтому проживал на детском энтузиазме. Все свободное от работы время, дедушка любил читать книги и газеты, покачиваясь на мягком, крылатом кресле. Вот так мы и жили втроем.

А вот, если пройти прямо от нашего двора, затем повернуть налево, и повернуть еще раз налево со стороны школы, то мы напрямик окажемся во дворе дяди Васи. Дядя Вася славился своим чутким слухом и славной историей в государственном оркестре, ну, по крайней мере, нам так говорил дядя Вася.

А еще у дяди Васи был замечательный пес Тошка. Тошка больше всего на свете любил играть и есть арбузы. Играл Тошка со всеми без исключения. Его детская и невинная душа тянулась абсолютно к каждой душе одинаково. Но, что парадоксально, мне казалось, что Тошка любит меня больше всех мальчишек. Каждый раз, когда кончались уроки, я самый первый выбегал из школы, и центростремительно бежал домой, а соседний пёс Тошка привязывался за мной и бежал до самого дома. Дома я сбрасывал рюкзак, и не переодевшись бежал с Тошкой к реке. И там мы играли до самого вечера. Огненно-красный, красный – красный закат накрывал реку сказочным полотном. Весь мир искаженно менял оттенок. Берег реки был абсолютно пуст, но отчетливо виднелись два силуэта. Закат. Красный, пурпурный шар напо-

ловину погрузился в реку. На берегу сидят двое товарищей. Сашка и Тошка сидят на песке и пристально глядят вдаль, встречая и провожая закат. Но вот уже стемнело, и два товарища не спеша шагают домой, они идут бок о бок, пританцовывая и лая друг другу. Попрощавшись на перекрестке, я иду домой, а мой друг Тошка, продолжает скакать и резвиться, встречая хозяина.

Наш староста, Анатолий Александрович, весьма уважаемый и почтительный человек. Анатолий Александрович просыпается раньше дяди Васи, выходит на улицу, почти нагишом, и делает гимнастику. И так каждое утро. Родственников у Анатолия Александровича не было. Живет он один. Порой, мне даже бывает грустно, как подумаю о том, что одинокий Анатолий Александрович, совсем один дома на кресле, один пьет чай, один спит, один просыпается, и один умрет. Я стараюсь поменьше думать об этом. Может, если люди перестанут думать, хоть на мгновение, тогда и жизнь покажется другой. Пару раз мне довелось побывать в гостях у Анатолия Александровича. Дедушке нужно было передать какой-то важный документ, и я решил, что нам и Анатолию Александровичу не помешает пару чашек чая. Домик Анатолия Александровича, к моему удивлению, был полностью чист. В коридоре на стене, висел сопутствующий плакат «Добро пожаловать!», гостиная представляла собой обширный прямоугольник. Слева от двери флегматично располагался крошечный диван, возле дивана шкаф с книгами. Пару

книг, кстати, Анатолий Александрович мне подарил, и сказал, что на память. Это были хорошие книги. Они учили детей ни лгать, ни обижать слабых, слушаться взрослых и любить животных. Справа от книжного шкафа было большое окно, если в него поглядеть, то можно увидеть прекрасные просторы, зеленые поля, стадо баранов, гармоничные холмы, живописные пейзажи, и просто чудо Русской земли. Пока дедушка и Анатолий Александрович пили чай и общались, я решил посидеть в гостиной и покрутить глобус.

– Занятная вещица, – подумал я. Тут, войдя в мой диалог, Анатолий Александрович подметил и спросил.

– Все любишь на мир, а не хочешь поглядеть на снимки и расширить кругозор?

– Хочу, – ответил я.

И тут, Анатолий Александрович вошел в гостиную, держа в руках большую папку. Он положил папку на стол и начал распаковывать. Это были чудесные снимки. Хотя они и были черно-белые, но с помощью воображения я смог дорисовать нужные цвета. Такой красоты я никогда не видел. На улице уже было поздно, мы распрощались с Анатолием Александровичем и ушли домой. Глаза Анатолия Александровича казались мне одинокими, уставшими и спокойными.

Придя домой я долго думал, как, наверное, сейчас тяжело Анатолию Александровичу, и листая одну из подаренных книг, уснул на кресле.

Весной мне исполнилось четырнадцать лет. Много в на-

шем хуторе поменялось на тот момент. Например, бывший боцман Гена, почему-то бесследно пропал, и больше не появлялся. Всеми любимый дядя Вася, после смерти единственного друга Тошки, совсем одичал и перестал показываться на улице. Наша школа из-за халатности и хладнокровия жителей сгорела, а ремонтировать было некому. Мой любимый хутор больше не был таким, каким был в детстве, детство прошло, и из-за этого было очень горестно и печально на душе. Я не знал, во что верить.

– Поторапливайся, – с грустью крикнул мне дедушка.

Я быстро забежал домой, забрал ящик с вещами, и, вдруг с полки упала книга. Та самая, которую мне подарил Анатолий Александрович. Мне стало очень больно. Едва сдерживая слезы я закинул книгу в коробку и выбежал на улицу. У забора гудела и ждала нас машина. Ее водитель курил и о чем-то разговаривал с моим дедушкой. На душе было тоскливо и печально. Я не хотел покидать хутор. На мгновение я вспомнил об Анатолии Александровиче. Он совсем один. А что может быть страшнее смерти в одиночестве? Водитель нервно докурил, и захлопнув дверь, сел за руль. Меня подзвал дедушка. Я уселся и глядел в окно.

– О, мельница деда Игната. А это дом дяди Васи. Эх, сгоревшая школа. Место, где мы с мальчишками похоронили Тошку. А это дом Анатолия Александровича.

Несколько минут спустя мы проехали границу нашего хутора. Больше я никогда там не был. И не знаю, есть ли кто жи-

вой из всех перечисленных и забытых мною жителей. Но скажу вам точно, этот хутор не похож ни на один другой хутор, который я видел в своей долгой жизни. И, можете мне верить, или же наоборот отрицать все перечисленное. «Сколько людей – столько и мнений, но истина всегда одна».